

Алексей Подберезкин: «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ», том 2, «Ускоренное развитие и темпы роста ВВП: вопросы методологии»

У современной экономики есть две группы ресурсов, от использования которых зависят как темпы развития общества, государства, экономики, так и **качество этого роста**, которое, коротко говоря, и называется развитием.

Первая группа ресурсов – промышленный, финансовый, любой иной потенциал, - который в недавнем времени составлял мощь государства и нации.

Вторая группа ресурсов – потенциал человеческой личности (интеллектуальный, образовательный, духовный, творческий), которая стала определяющей в последние два десятилетия, как для развития экономики, так и государства.

Количественный, материальный рост в основном определяется макроэкономическими показателями, устоявшимися в качестве основных критериев роста: темпы роста ВВП, объем промпроизводства, торговый баланс, финансовые ресурсы и т.д.

Проблема однако в том, что ситуация в последние годы изменилась и критерии развития личности и общества гораздо полнее, точнее и объективнее сегодня определяют темпы развития экономики и государства.

Таким образом, ключевая проблема, которая должна быть решена российской элитой при выборе стратегии опережающего развития, – это темпы развития ключевых отраслей и областей страны, экономики и общества, а не темпы роста ВВП, хотя показатель и остается основным. Но даже он мало утешает. Учитывая, что темпы роста ВВП должны быть не просто выше среднемировых, а выше, чем у Китая и Индии, необходимо сформулировать вполне частную и непринципиальную задачу увеличения темпов роста ВВП до 12–15% понимая, что ее решение будет иметь незначительное отношение к решению ключевой задачи – опережающим темпам социально-экономического развития.

Пока что все оценки вращаются вокруг 6–7%, что очевидно недостаточно. Как видно из сравнений последних лет, Россия, обгоняя

Европу и Бразилию, по темпам роста ВВП, отстает от Китая и Индии¹. Учитывая же огромный масштаб и количество американской экономики и ее качество, отрыв России от США отнюдь не равен разнице их ВВП, а составляет два порядка. (Известно, что экспорт наукоемкой продукции США составляет 30% мирового, а российской – 0,3%).

При этом следует повторить, что темпы развития и темпы роста экономики – отнюдь не одно и то же. Развитие характеризуется, прежде всего, качественными показателями, а рост – количественными. Так, 10% прироста ВВП за счет развития, это прирост наукоемкой продукции и услуг. Те же 10% прироста ВВП за счет экстенсивного развития (например, увеличения экспорта сырья) – означают, что экономика отнюдь не развивается, а деградирует, становится более энергоемкой и ресурсоемкой.

Это позволяет некоторым экспертам использовать даже термин «Недогоняющее развитие», который предполагает, что рост душевого ВВП не сопровождается институциональным развитием. Более того, по оценкам некоторых экспертов, значительный рост ВВП за 2000–2007 годы сопровождался отставанием в институциональном развитии².

Другая сторона проблемы заключается в росте социального оптимизма наших сограждан, с одной стороны, и медленным развитием общественных институтов, – с другой. На фоне преодоления глубокого психологического общенационального стресса, растущих ожиданий и улучшения общего климата в стране особенно заметен спад социальной активности, без которой в XXI веке все сложнее экономическое развитие.

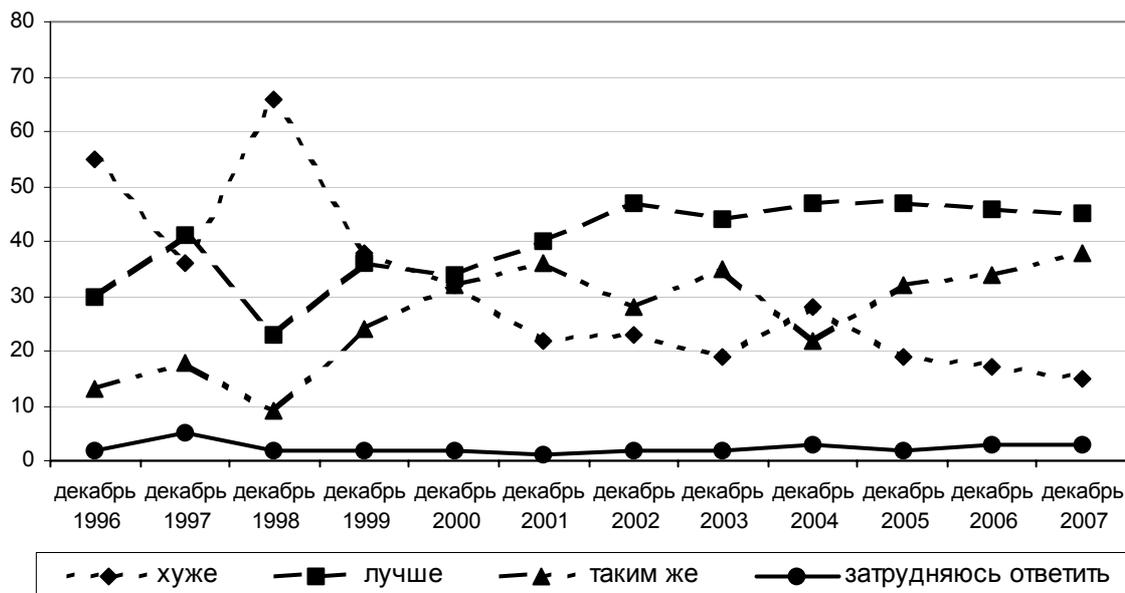
На графике отчетливо видно, что в 2007 году лучше или также себя чувствовали (38% + 45%) 83% наших сограждан, в то время как в 1996 году – только 43% (13% + 30%)³.

Если говорить в целом, то каким для Вас лично был уходящий 2007 год – лучше, хуже или таким же, как прошедший 2006 год?

¹ Г.Лященко. Светлое экономическое будущее \ \ Газета, 2007 г., 7-9 декабря, с. 13.

² Л.Фрейнкман. Недогоняющее развитие \ \ Ведомости, 2008 г., 4 февраля, А4.

³ Социальная реальность, 2007 г., № 10, с. 47.

Таким образом, к 2008 году можно констатировать, что заметный экономический рост и социальный оптимизм сопровождался очевидным запаздыванием в институционально-социальной области, которая стала превращаться в серьезный фактор ограничения развития экономики и общества.

Так, из приведенной ниже таблицы видно, что по важнейшим макроэкономическим показателям за 2005–2009 годы (за исключением инфляции) Россия находится в группе стран-лидеров. Вместе с КНР. Однако на деле Россия все больше отставала. В т.ч. и от Китая, за эти годы структура внешней торговли России с Китаем, например, изменилась радикально. Только за 2007 год импорт из КНР вырос на 80%, а положительное сальдо китайского торгового баланса впервые достигло 9 млрд. долл. При этом, если доля экспорта российской машиностроительной продукции еще недавно превышала 25%, а сырьё – 5%, то в 2008 году только 1,5% экспорта стало принадлежать машиностроению, а 2/3 – сырьём⁴.

Оценка темпов роста ВВП

Показатели	Страны	2005	2006	2007	2008	2009
ВВП	Россия	6,4	6,7	7,3	6,5	6,0
	Китай	10,4	11,1	11,4	10,7	10,1
	Индия	9,2	9,4	8,8	8,6	8,4

⁴ И.Наумов. Сальдо ушло в минус \ \ Независимая газета, 2008 г., 28 января, с. 6.

	Бразилия	3,2	3,7	4,8	4,5	4,5
	США			2,2	2,0	2,2
	Япония			1,9	1,6	1,8
	Страны Европы			2,7	2,3	2,4
Инфляция	Россия	10,9	9,0	11,0	9,5	8,5
	Китай	4,1	3,1	4,4	4,5	4,6
	Индия	4,4	5,3	5,4	4,9	4,5
	Бразилия	5,7	3,1	3,9	4,0	4,0
	США			2,6	2,1	2,0
	Япония			-0,5	-0,3	0,3
	Страны Европы			2,2	2,2	2,3
Профицит / дефицит бюджета (% ВВП)	Россия	8,1	8,5	5,5	3,8	1,5
	Китай	0,2	1,0	2,0	1,8	1,7
	Индия	-6,7	-6,4	-5,6	-5,2	-5,2
	Бразилия	-3,0	-3,0	-1,9	-1,4	-1,0
	США			-3,0	-3,4	-3,4
	Япония			-3,4	-3,9	-3,6
	Страны Европы			-0,6	-0,6	-0,4
Сальдо платежного баланса (% ВВП)	Россия	10,9	9,8	6,0	4,7	2,0
	Китай	7,2	9,4	11,2	11,3	11,8
	Индия	-1,1	-1,1	-2,0	-2,1	-2,0
	Бразилия	1,6	1,3	0,6	-0,1	-0,4
	США			-5,6	-5,4	-5,3
	Япония			4,7	4,8	5,2
	Страны Европы			0,2	-0,1-	-0,2

Источник: ОЭСР

Это, конечно же, понимают сегодня в Правительстве. Полагаю, что 2007 год стал рубежным в осознании необходимости именно качественного развития. К 2008 году дело дошло до принятия конкретных решений и постановки конкретных задач. Так, на одном из заседаний Правительства в январе 2008 года было сформулирована цель достигнуть к 2015 году 3% мировой доли наукоемкой продукции (т.е. примерно доли ВВП России в мире в 2015 году), что означает приблизительно десятикратный рост⁵. Напомню, что сегодня доля России составляет 0,3–0,5% от мировой. Таким образом, десятикратный рост эффективности (т.е. на 10 000%!)

⁵ Л.Новикова. Правительство готовит нанопрорыв \ \ РБК daily, 2008 г., 17 января, с. 2.

равнозначен удвоению ВВП (100%). Напрашивается вывод о том, что каждый процент прироста ВВП должен сопровождаться десятикратным ростом эффективности ее экономики и институтов. Понятна разная масштабность этих задач. Так, если прирост ВВП в 2008 году составит 8%, т.е. на 1% больше, чем в 2007 году, то для сохранения пропорций эффективность развития должна составить более 80% только за один год. А эта эффективность может измеряться энергосберегающими технологиями, например, и наукоемкими вообще.

Таким образом, к 2008 году российская элита не только осознала необходимость качественного роста и развития, но и вышла на постановку конкретных задач и принятие конкретных решений, создание механизмов их реализации. Но масштаб этих задач очевидно остается недооцененным. На мой взгляд, сохраняются прежние, инерционные макроэкономические мотивы, которые сдерживают темпы развития, ведь обоснования именно предлагаемых задач до сих пор нет.

Но не только экономические критерии определяют разницу между ростом и развитием. В XXI веке экономическое развитие должно в обязательном порядке сопровождаться развитием общества, его институтов, повышением эффективности госуправления (которое в идеале должно наконец-то выйти на местный уровень) и, главное, развитием духовно-нравственным и культурным.

Отставание в этих областях, безусловно, сдерживает не только экономическое развитие, но и простой экономический рост. Взаимосвязь между этими сферами стала очевидной и для российской политической элиты еще в 2007 году, но примечательно, что именно эта взаимосвязь была **политически** озвучена кандидатом в президенты Д.Медведевым в начале февраля 2008 года⁶. Очевиден начавшийся перелом в сознании большинства представителей российской элиты, хотя можно согласиться с Е.Федоровым, который считает, что не трудно прогнозировать, когда завершится (этот) перелом сознания большинства»...⁷

Таким образом, ускоренное (опережающее) развитие это именно развитие, а не рост, которое охватывает не только экономическую область, но и сферы общественной, культурной и духовной жизни общества, а также совершенствование государственных институтов, эффективности управления.

⁶ Стратегия развития \ Красная Звезда, 2008 г., 24 января, с. 3.

⁷ Е.Федоров. Вне конкуренции \ Стратегия России, 2007 г., № 12, с. 14.

Если в 2007 году российская элита сосредоточила свое внимание именно на ускоренном экономическом **росте** (что уже выгодно отличает ее от отношения элиты 90-х годов и начала десятилетия), то элементы экономического и особенно общественного долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года, разработанные МЭРТом к июлю 2007 года, отражают именно такой, экстенсивный подход. С одной стороны, хорошо уже, что она имеет долгосрочный характер (рассчитана на 13 лет) и вполне амбициозна. Но, с другой стороны, это именно концепция роста, где элементы развития представлены весьма скромно: рост инновационного сектора ВВП с 10,5% в 2006 году до 18,1% в 2020 году, а доля высокотехнологической продукции – 10%. При этом доля России в мировом ВВП вырастет с 2,6% до 3% в 2015 и 3,4% – в 2020 году (Китая – 23,5%, США – 15,5%, Индии – 9,4%). Из этих сопоставлений видно, что экстенсивно, количественно мы будем продолжать отставать от наиболее динамично развивающихся стран, медленно «вползая» в группу развитых государств.

В XXI веке большинство проблем, в т.ч. социально-экономических уже не могут быть решены только экономическими мерами. Для того чтобы это произошло, нужна **идеологическая система**, лежащая в основе стратегии развития, где собственно экономические меры могут стать **лишь частью** мер по реализации стратегии. Причем система эта должна основываться на нравственных началах, базовых национальных ценностях. На том, чего не было в 90-ые годы. Как совершенно справедливо признает С.А. Дзюба, говоря об ельцинском периоде, «в этой идеологии совершенно отсутствовали нравственные ориентиры»⁸. И действительно, вся идеология того периода сводилась к простому принципу: все, что связано с рынком и частной собственностью, хорошо, а что нет, – плохо.

Уверен, что стратегию опережающего социально-экономического развития необходимо формировать принципиально по-иному. Сегодня она является производной от разработок МЭРТа, тогда как сами эти разработки должны являться следствием, вытекать из идеологической доктрины правящей элиты, во-первых, и стратегической концепции национального развития, во-вторых.

На предлагаемой схеме 1-ый уровень (идеологический) прописан просто. По большому счету он должен быть сформулирован в Концепции национальной безопасности России, имеющей **общенациональное значение** на многие (20–25 лет) годы.

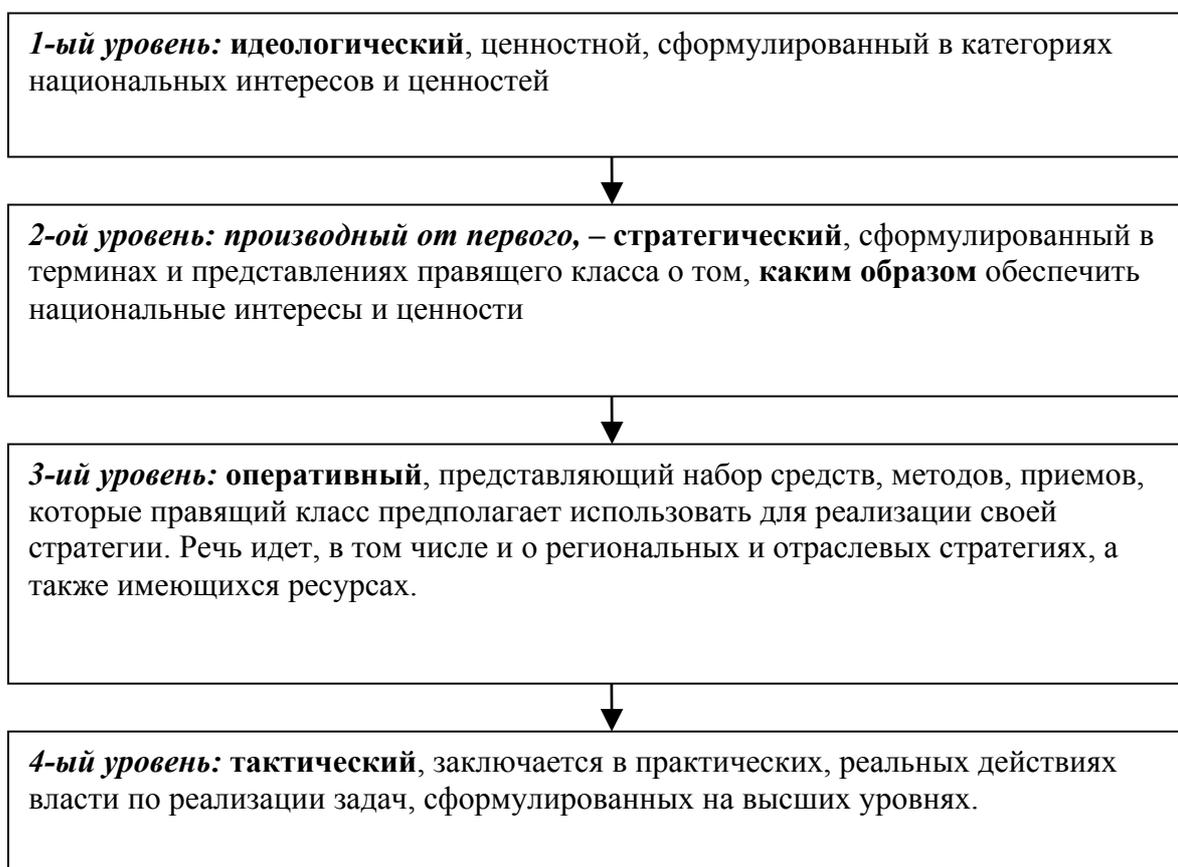
⁸ С.А.Дзюба. Возвращение гаранта \ \ Независимая газета, 2008 г., 18 января, с. 11.

2-ой уровень – уровень высшего государственного управления, где конкретизируется роль государства и его институтов в реализации общенациональной доктрины.

И лишь третий уровень – компетенция Правительства – МЭРТа, Минфина и других ведомств.

Из этой схемы становится понятно, что чиновники 3-го уровня не могут и не должны формулировать общегосударственные (2-ой уровень), а тем более общенациональные задачи.

Внешне, схематически, это может выглядеть следующим образом.

Не трудно заметить, что действия власти за 2000–2007 годы происходили на 4-ом уровне, в режиме «ручного управления». По мере завершения периода стабилизации возникла потребность в формировании 3-го уровня. Что наблюдалось в 2005–2007 годах. «Концепция МЭРТа» – наивысший результат подобных попыток объединить разрозненные

отраслевые и региональные стратегии, которые появились в массовом порядке в 2005–2007 годы.

Вместе с тем становится все более очевидным, необходимость выхода на 2-ой и даже 1-ый уровень. Так, задачи и результаты, сформулированные в «Концепции МЭРТа», на 2020 год (например, 30 тыс. душевого ВВП или «пятая экономика» в мире), являются не политическими общенациональными приоритетами, а следствием **экономических, экспертных** оценок. На деле же в выступлениях В. Путина и Д. Медведева, а затем «уточненном» (мартовском) прогнозе МЭРТ, отчетливо звучали политические приоритеты 1-го уровня, которые однако пока еще не стали директивами для экономики.

Представленная на заседании Госсовета 8 февраля 2008 г. президентская стратегия социально-экономического развития России до 2020 года (далее – Стратегия) по сути, **является политическим решением о переводе российской экономики с инерционного энергосырьевого на инновационный путь развития.** Реализация этой стратегии должна основываться на концепции социально-экономического развития страны, разработанной Правительством исходя из этого решения (далее – Концепция). В настоящей работе анализируется соответствие Концепции стратегической цели перевода российской экономике на инновационный путь развития.

По мнению С.Глазьева, с которым трудно не согласиться, смысл заявленной президентом стратегии вполне соответствует объективным требованиям повышения конкурентоспособности российской экономики и конституционным целям социального государства. Эта стратегия исходит из содержательных задач развития экономики на основе развития НТП, кардинального повышения ее эффективности и социальной ориентированности. Возникает надежда, что, получив **правильные идеологические ориентиры, приоритеты, государственная машина и деловое сообщество** смогут повернуть, наконец, экономику страны на инновационный путь развития, вывести ее на **траекторию быстрого и устойчивого роста** на передовой технологической основе. Важно подчеркнуть, что используя **идеологический ресурс** президенты В. Путин и Д. Медведев получали исключительный инструмент управления не только огромной госмашиной, но и обществом. Ресурсы общественного развития используются до сих пор недостаточно. Прежде всего, из-за неясности идеологии развития, оторванности огромных общественных масс от деятельности власти. Этот аспект постоянно игнорируется, хотя за 2006–2008 годы В. Путин и Д. Медведев не раз давали «сигналы» общественности.

В феврале 2008 года Президент в своем выступлении на Госсовете определил **основные ориентиры** социально-экономического развития России **до 2020 года**: возвращение России в число мировых технологических **лидеров**, **четырёхкратное** повышение производительности труда в основных секторах российской экономики, увеличение доли **среднего класса до 60%-70%** населения, сокращение смертности в полтора раза и увеличение средней продолжительности жизни населения **до 75 лет**. Именно эти приоритеты можно в полной мере отнести к приоритетам 2-го, более высокого уровня. Но они не дают ответа, **в какой стране** мы будем жить, **какое общество строить**. При этом он призвал «сконцентрировать усилия на решении трех ключевых проблем: создании равных возможностей для людей, формировании мотивации к инновационному поведению и **радикальном повышении эффективности экономики**, прежде всего на основе роста производительности труда». Что также относится к приоритетам второго и третьего уровня, а не идеологическим, более высоким по рангу приоритетам.

Следует заметить, что в отличие от прошлых стратегий, исходивших из наивного представления о чудодейственности механизмов рыночной самоорганизации, нынешнюю стратегию отличает трезвое понимание сложного положения российской экономики, теряющей конкурентоспособность и стремительно опускающуюся на сырьевую периферию мирового рынка, лишаясь внутреннего потенциала самостоятельного развития. Несмотря на решение задач удвоения ВВП за последнее десятилетие, Президент совершенно правильно констатирует тупиковость инерционного энергосырьевого сценария развития, низводящего Россию до роли сырьевого придатка мировой экономики. И, в соответствии с рекомендациями науки, **определяет приоритеты государственной политики 2-го уровня**: инвестиции в человеческий капитал, подъем образования, науки, здравоохранения, построение национальной инновационной системы, развитие наших естественных преимуществ и модернизация экономики, развитие ее новых конкурентоспособных секторов в высокотехнологических сферах экономики знаний, реконструкция и расширение производственной, социальной и финансовой инфраструктуры.

Обращает на себя внимание, что президенту приходится смешивать 2-ой и 3-ий уровень – государственной политики и методов управления, что не может не сказаться на общем снижении уровня политической постановки задачи. Так, для перевода страны на инновационный путь развития ставится задача кардинального повышения инновационной и инвестиционной активности, доведение уровня накопления до 30% от ВВП, перехода **к стандартам развитых стран в сфере бюджетной политики**. Это означает, что **уровень финансирования образования**

должен достичь 7% от ВВП, здравоохранения – 6%, науки – 3%.

Иными словами, расходы государства на эти отрасли должны быть **удвоены**. То есть опять идет планирование от достигнутого, а не от того, что должно быть сформулировано в общенациональной стратегии первого уровня. В этом случае цифры должны были бы быть, по меньшей мере, удвоены: образование и здравоохранение до 12–14%, а наука – до 10%. Именно такие параметры сегодня заложены в бюджетах наиболее передовых стран.

У меня, например, возникает вопрос относительно того, почему наша экономика в 2020 году должна составлять треть индийской и одну седьмую от китайской? Только потому, что эксперты так спрогнозировали? Но ведь они часто (точнее, почти всегда) ошибаются даже на короткую перспективу! Простой, я бы сказал, рядовой пример, – очередной прогноз Минэкономразвития, сделанный в январе 2008 года⁹.

	2007 старый	новый	2008 старый	новый	2009 старый	новый	2010 старый	новый
ВВП, млрд. руб.	30690	32530	35000	38952	39690	44565	44800	50781
ВВП, прирост в %	6,5	7,6	6,1	6,7	6	6,3	6,2	6,4
Инфляция	7–8	11,9	6–7	7,5–8,5	5,5–6,5	5,8–7	5–6	5–6
Курс доллара, среднегодовой	26	25,5	25,9	24,1	26,2	24,9	26,8	25,9
Цена нефти Urals, \$/барр.	55	69,3	53	74	52	66	50	62

Источник: Минэкономразвитие

На первый взгляд разница в прогнозе небольшая, но если посмотреть на среднесрочную перспективу до 2010 года, (т.е. всего на 3 года вперед!) то финальная разница в прогнозе ВВП до 2010 года составит более 5000 млрд. руб. или 250 млрд. долл. Или пяти четвертых всего ВВП 2008 г.

Если же этот «уточненный» прогноз (и его разницу) хотя бы экстраполировать до 2020 года, то окажется, что ВВП России может быть то ли 100000 млрд. руб., то ли 200000 млрд. руб. (4 трлн. долл. и 8 трлн. долл. соответственно). А между тем это означает, что в прогнозируемый период это будет означать либо увеличение душевого ВВП в 4, или даже в 8 раз! В первом случае сказанное позволяет сделать вывод, что душевой

⁹ Б.Гродовский и др. Бюджету денег хватит, ВВП быстро растет \ \ Ведомости, 2008 г., 29 января, с.А3.

доход в России в 2020 году достигнет уровня душевого ВВП самых развитых стран от уровня 2008 года (но будет ниже, чем их уровень 2020 года), а во втором, – что он **превысит** душевой доход развитых стран 2020 года, т.е. будет соответствовать самым высоким стандартам.

Таким образом, даже разница в экстраполяции в долгосрочной перспективе ведет к качественным отличиям, имеющим огромные **политические последствия**. Что же говорить о том, если изначально прогноз имеет и идеологический характер?

Отчасти это признается фактическим автором прогноза и проекта концепции заместителем министра МЭРТ А. Клепачём: «Главная цель концепции 2020 – не только достижение амбициозных целей (например, пятого места по объему ВВП и \$30 тысяч подушевого дохода), но и конструирование системы стратегического управления, основанной на упреждении глобальных катаклизмов. Система, по словам Клепача, заработает в полную силу, когда будет утверждена не только концепция-2020, но и ряд других прогнозных документов: долгосрочный прогноз до 2020-го, а по ряду направлений до 2030 года, ряд отраслевых стратегий, например энергетическая до 2030 года, транспортная (и отдельно от нее железнодорожная), внешнеэкономическая, финплан-2023, региональные стратегии.

Наконец, нужен закон о прогнозировании, проект которого, как сообщил Клепач, утрясается в правительственных кабинетах. Кроме того, как уже сообщала «Газета» (см. номер от 24 марта). В министерствах готовят план реализации амбициозной концепции-2020¹⁰. Но закон о прогнозировании (если такой и нужен) это уже «чистая» идеология. Какое общество, и какое государство мы хотим увидеть через 20–30 лет? Это вопросы идеологические и не компетенция макроэкономистов!

Действительно, представим себе архитектора, который начинает строить дом. Он выбирает эскизный проект, который может быть и одноэтажным бунгалом и пирамидой Хиопса. От того какая идея его обурекает и сколько ресурсов (второе обязательное условие) он может рассчитывать истратить и будет его эскиз, из которого уже потом проектировщики сделают детальный план, включающий водо- и электроснабжение, другие коммуникации, ландшафт и т.д.

¹⁰ К. Смирнов. Признак Госплана // Газета, 2008 г., 27 марта, с. 11.

Такая же ситуация и с долгосрочным прогнозом в отношении нации. Какую нацию мы хотим увидеть через 20–30 лет?

Ответы могут быть самые разные, включая и противоречивые. Например:

- завоевавшую весь мир;
- имеющую самую мощную армию;
- самую образованную;
- самую социально защищенную и т.д.

В этой связи вновь необходимо вернуться к вопросу, относящемуся к приоритетам первого, высшего политико-идеологического уровня, ответ на который и может стать основополагающим для решения задач стратегического (второго) уровня, а именно: каковы **должны быть** темпы развития экономики и общества до 2020 года? Именно **должны быть**, а не «ожидаемые» от экстраполяции. Разница – принципиальная, ведь в первом случае элита и власть создают целевую установку (вспомним – «пятилетку в 4 года!»), а во втором – такая установка, а соответственно и меры по ее реализации – отсутствуют.

В первом случае ответ однозначен: очевидно, что темпы развития должны быть не инерционными, а «взрывными». Это задача уже идеологическая, а потом – политическая. Власть не ждет когда постепенно экономика страны выйдет на уровень процветающей, она ставит задачу быстрого выхода из последствий кризисного развития. Получения результатов итоговых, а не относительно последних лет. Результатов объективных, с точки зрения уже не послекризисного развития, а с точки зрения потребностей 2020 года, угроз и оценки положения России в мире в будущем.

Разница, как видно, принципиальная, а именно, – идеологическая и политическая. На идеологическом, а не макроэкономическом уровне, эта проблема и стоит именно сегодня. Как справедливо заметил С.Кургинян, «...если российское правительство дает какие-то деньги каким-то заводам, институтам и лабораториям, это уже хорошо. Если этих денег будет много, это замечательно. Если их не до конца разворуют, это прекрасно. Но, в самом лучшем случае, за этот счет удастся чуть дольше продержаться на плаву индустриальное и технологическое советское наследство. Доколе?»

Основные фонды существующего (а не нового) индустриального комплекса недополучили за позднесоветские и постсоветские годы 2,5 трлн. долл., т.е. 15 нынешних стабилизационных фондов, а

восстановление престижа профессий обойдется, по самым скромным оценкам, в 100 млрд. долл.

Но, главное, дело не в этом, а в идеологии ухода от инерционных концепций. Элита к середине 2008 года подошла к очередному выбору. На первый взгляд это был выбор между макроэкономическим путем (экстенсивные) развития и инновационным. На самом деле, вопрос стоял о **политическом выборе**: мы определяем задачи и устанавливаем приоритеты долгосрочного развития, либо это делают за нас (Минфин и т.д.). В мае 2008 года, в споре МЭРТа и Минфина это разногласие отчетливо обозначилось.

Примерно в это же время С.Глазьев предложил в очередной раз свои меры перехода к инновационной экономике. На мой взгляд, неполные и не бесспорные, но применимые безусловно, в рамках новой идеологической парадигмы. Коротко они выглядят так:

Для реализации **инновационного сценария Концепция** должна быть скорректирована следующим образом.

1. Перенести на первый этап прогнозного периода (2008–2010 годы) меры по **изменению денежно-кредитной и бюджетной политики**. Соответственно параметры монетизации российской экономики и доли государственных расходов на цели социально-экономического развития, планируемые в Концепции на **2020 год**, должны быть достигнуты к **2011 году**.
2. Ввести **тарифную паузу**, заморозив до 2010 года тарифы на газ, тепло и электроэнергию.
3. Кардинально повысить эффективность антимонопольной политики, создать здоровую конкурентную среду для управления госкорпорациями.
4. Обеспечить соответствие политики госзакупок, включая закупки госкорпораций, **приоритетам развития отечественной промышленности**.
5. Отменить до 2010 года НДС, провести инвентаризацию и переоценку основных фондов, **освободить от налогообложения все расходы на НИОКР и освоение новой техники**.

Исторические часы тикают. Мы не в уютном доме, а на пороховой бочке. Тикающие часы – не «Роллекс» на руке «нового русского». Это адский часовой механизм.

Технологический прорыв – одна из возможностей этот механизм обезвредить. Издержки – понятны. Риски – тоже. Но есть ли другие возможности. Если кто-то их знает – пусть не скрывает от общества эту тайну. А если ... «Если других возможностей нет?»¹¹

В этой связи становится вполне конкретным вопрос: каковы условия опережающего развития России? Попробую их сформулировать ниже. Но одно важное, принципиальное замечание при спорах о путях развития России, должно быть обязательно находиться в центре общественного внимания, а именно: нации, государства в те или иные периоды времени оказываются в условиях, когда их дальнейшее существование прямо зависит от того, как они развивались предыдущие десятилетия. Было ли у них накоплено достаточно ресурсов – идеологических, материальных, военных – или они оказывались предметом воздействия сторонних сил, объектом чужой внешней политики.

Не трудно предположить, что к 2020 году вокруг России объективно сложится именно такая ситуация. Огромная мощь Европы, объединенная в военно-политический союз с США, с одной стороны, и еще большая мощь Китая, с другой. По сути, эти две державы будут требовать «равного доступа» уже не только к энергоресурсам, но и к земле, воде, природным ископаемым.

Простой пример. Только за последний год стремительно взлетели цены на продовольствие и стали уже говорить о «геополитической угрозе». Не трудно себе представить, что если цены на эти ресурсы за 2–3 года вырастут также как и на энергоносители (т.е. в 4–5 раз), то может появиться соблазн **потребовать** от стран, которые способны, но не производят достаточно ресурсов продовольственного характера.

Но если все сохранится как в сегодняшних прогнозах, то соотношение сил будет приблизительно 1:10 как с одной, так и другой стороны. Как в этих условиях сможет повести себя Россия? Уповать на устаревший ядерный потенциал или быть готовой к интервенции в форме «мягкой силы» или прямой военной агрессии? Напомню, что у всех пограничных с Россией стран есть еще и территориальные претензии, которые быстро могут быть добавлены иными.

¹¹ С.Кургинян. Условия прорыва-3 \ \ Завтра. 2007 г.. № 30, с. 3.

Примеры, когда крупные государства становились предметом дележа, банальны. Они – норма международных отношений. Тем более, когда международное право само стало «инструментом политической целесообразности».

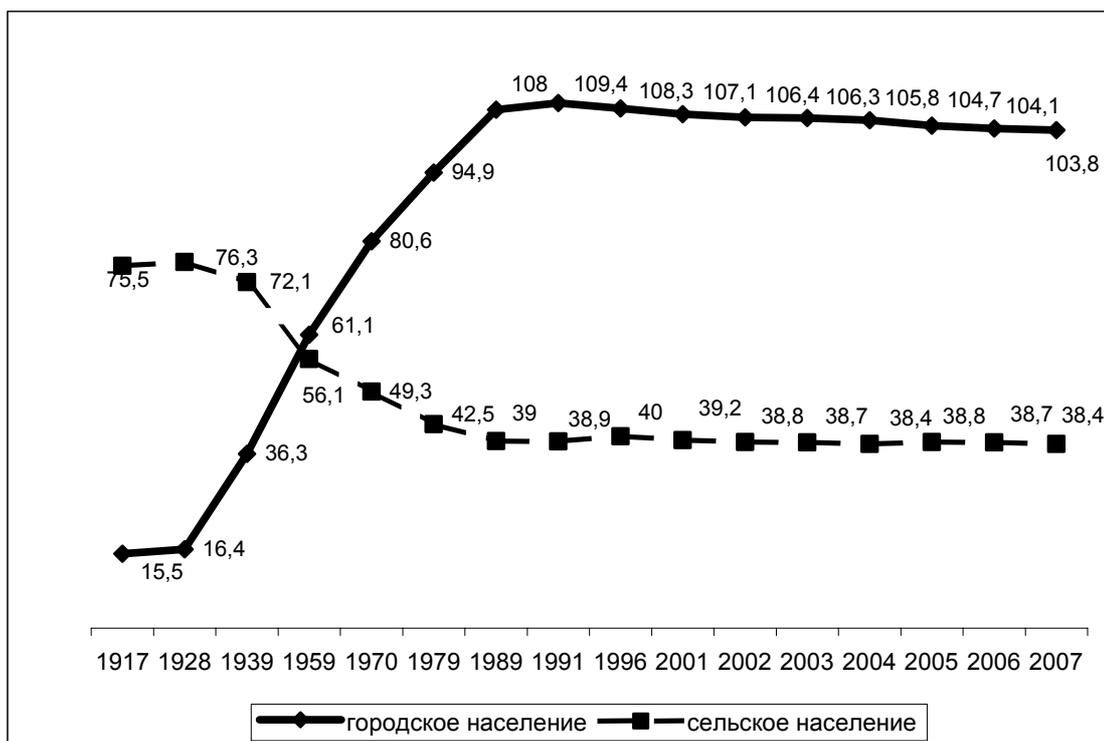
Поэтому, разрабатывая концепции долгосрочного развития, мы должны исходить не из макроэкономических показателей (которые, кстати, всегда оказываются заниженными), а из последствий реализации таких концепций для национальной безопасности. В данном случае это означает следующее.

Во-первых, Россия должна быть адекватна по своему потенциалу, как Европе, так и США. И по экономическому, и военному, а, главное, интеллектуальному и духовному.

Во-вторых, так как численность населения европейских стран и Китая будет превосходить численность граждан России в 6–10 раз, то нужна как эффективная демографическая политика, так и продуманное размещение граждан по всей территории страны. На сегодня ситуация в этой области катастрофична. Вот уже почти 20 лет численность городского и сельского населения стабилизировалась, а в регионах Дальнего Востока и Сибири есть только два города-миллионика. Напомню, что развитие высокотехнологичных производств и быстрое воспроизведение потенциала личности концентрируется вокруг мега-полюсов. Нам также нужны, особенно в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, такие «точки роста»¹².

Сколько в России горожан (млн. человек)

¹² Сила притяжения асфальта \ \ Российская газета, 2008 г., 10 апреля, с. 11.

По данным Росстата

Надо особо подчеркнуть, что современная экономика в развитых странах растет отнюдь не равномерно. Это одно из закономерностей глобализации. Не случайно в США, например, такой «точкой роста» является Нью-Йорк, чей ВВП (более 1 трлн. долл.) равен российскому. Но и в России такие «точки роста» очевидны. Это Москва и С.-Петербург, но в перспективе это должны быть искусственно созданные Новосибирск, Хабаровск, Иркутск, Н.-Новгород, Ростов-на-Дону. Именно эти города дадут в будущем максимальный прирост новой экономики.

Понятно, что Россия это не только мегаполисы, но и тысячи других городов, но стратегия опережающего развития может базироваться только на искусственном стимулировании роста российских городов-миллионников, превращении их в «точки» и «центры» развития новой экономики.

Российские города-«миллионеры»

Город	Число жителей (млн.)
Москва	10,425
Санкт-Петербург	4,58
Новосибирск	1,397

Екатеринбург	1,308
Нижний Новгород	1,283
Самара	1,143
Омск	1,138
Казань	1,112
Челябинск	1,093
Ростов-на-Дону	1,054
Уфа	1,029
Пермь	0,993
Волгоград	0,991

По данным Росстата на 1 января 2006 года.

Наконец, в-третьих, главное: экономика и мощь могут многократно усилиться сегодня только за счет роста потенциала человеческой личности во всех его составляющих интеллектуальном, информационном, духовном, социально-экономическом. Именно поэтому и на этом направлении мы можем совершить мощнейший рывок в развитии. Такой рывок, который нам не спрогнозируют никакие макроэкономисты.

Тем более что другого выхода у нас попросту нет. У нас – это у нации, у государства, у народа.

Поэтому предлагаемые ниже условия, как мне кажется, должны лечь в качестве **обязательных условий** стратегического планирования России до 2020–2030 годов.

Простой пример из, казалось бы, самой «спокойной» области.

В настоящее время сформировались две устойчивые и долгосрочные негативные тенденции в области обеспечения продовольствия, очевидно угрожающие не только реализации стратегии социально-экономического развития России, но и национальной безопасности страны в целом. Более того, международные эксперты полагают, что углубляющийся продовольственный кризис приведет к «геополитической нестабильности в мире и особенно остро отразится на внутривнутриполитической и социальной стабильности стран-импортеров продовольствия». Действительно, в ряде развивающихся стран уже прокатилась волна беспорядков, вызванная ростом цен на продовольствие в последнее время.

На мой взгляд, эти тенденции объективны и вряд ли преодолимы в целом в геополитическом плане. За последние 12 месяцев рост цен на

продовольственную группу товаров в мире превысил 40%! Вероятность того, что ситуация будет усугубляться и повлечет за собой серьезные социально-экономические и, возможно, международные последствия, – очень высока.

Во-первых, будет стремительно расти спрос в мире на продовольственные товары, в основе которого находится множество факторов (растущее потребление Китая, Индии, других стран, спрос на биотопливо и т.д.).

Во-вторых, будет продолжаться рост себестоимости сельхозпродукции, который вызван также целым рядом долгосрочных факторов, включая рост цен на энергоносители, удобрения и оплату труда в странах-экспортерах (которыми, как правило, являются развитые государства).

Можно уверенно сказать, что **в ближайшем будущем** от такого развития событий особенно пострадают те государства, которые в значительных объемах закупают продовольствие. Последствия будут уже не только финансовые и социально-экономические, но и **политические**.

Для России это означает также, что планы по повышению качества жизни большинства населения, в особенности с низкими доходами, становятся в непосредственную зависимость, прежде всего от **доступности качественного продовольствия**. Это является не только социально-экономической проблемой, но и проблемой внутривнутриполитической стабильности: социально значимые продукты **становятся дороже и недоступнее**, а рост цен на хлеб, масло, мясомолочные продукты в последние годы **значительно превышал темпы инфляции и рост реальных доходов населения** (по некоторым оценкам – выше 60%).

Кроме того эта ситуация крайне негативно сказывается на тенденции формирования среднего класса. В последние годы в России наблюдается положение, когда увеличение реальных доходов населения объективно обуславливает потребность в качественных продовольственных товарах, которые, однако, дорожают **быстрее, чем растут доходы среднего класса**. Так, рост расходов на питание в России ведет к тому, что в отличие от развитых стран (где их доля составляет 20%) практически все доходы тратятся на продовольствие. Это означает, что на покупку товаров длительного пользования, а значит и расширение спроса, внутреннего рынка денег остается меньше. Учитывая же, что продовольственные товары в значительной степени импортные, получается, что растущие **доходы большинства граждан страны идут на оплату быстро воспроизводимых** в развитых странах продовольственных ресурсов.

По данным различных источников, доля импорта продовольствия в Российской Федерации значительно превышает собственное производство. В 2007 году Российская Федерация **перешла порог продовольственной безопасности** (по международным нормам ФАО при ООН) по птице (62%), мясу говяжьему (57%), молоку и маслу (55%), некоторым видам кондитерских, колбасных изделий (более 60%) и т.д. Животноводческий комплекс находится на грани кризиса. Значительную долю продовольствия составляют генномодифицированные продукты. Более того, доля импорта в потреблении продовольствия **продолжает постоянно расти**.

Полагаю, что в ближайшие 4 года проблема обеспечения России продукцией сельского хозяйства **перейдет из стадии отраслевой в комплексную – социально-экономическую, внутривнутриполитическую, а, может быть, даже внешнеполитическую**. Достаточно вспомнить, что США активно использовали ограничения на экспорт в качестве инструмента своей внешней политики.

Наконец, огромные сельскохозяйственные угодья – очевидно конкурентное преимущество России по сравнению с другими странами, которое не только не используется, но и превращено в проблему. В условиях продовольственного кризиса это преимущество России – если оно будет использовано – может дать не только избавление от импортной зависимости, но, и превратится в высокодоходную и экспортно-ориентированную отрасль.

Таким образом, проблемы развития сельского хозяйства выходят **далеко за пределы компетенции Минсельхоза**. Думается, что они станут уже в ближайшие месяцы **крупными** внутривнутриполитическими и экономическими проблемами, которыми неизбежно будут вынуждено заниматься не только другие министерства, но и высшее руководство страны.

Алексей Подберезкин – научный руководитель Института развития гражданского общества и местного самоуправления.

05 августа 2008 года.

www.nasledie.ru